

"Исход: Покинувшие распятие". Часть 1 "Одна шестая суши" (Коренблит – Городницкий)

1. Одна шестая суши	– 2.10
2. Могилевское гетто	– 2.41
3. Смертельный улов	– 2.27
4. Шклов	– 1. 29
5. Идиш	– 1.59
6. Диаспора	– 2.14
7. Воробей	– 1.40
8. Еврейское ожидание	– 1.44
9. Пожара кольцо	– 1.47
10. Кремлёвская стена	– 2.08
11. Вербное воскресенье	– 1.42
12. Коммунизм и сионизм	– 1.17
13. В этом вся беда	– 1.25
14. Выбирать не дано нам	– 1.35
15. Чужие сани	– 1.22
16. Перечитывающая Солженицына	– 2.07
17. Иноходец	– 1.28
18. Йом-киппур (судный день)	– 2.28
19. Мы не станем палачами	– 2.43
20. Избиение младенцев	– 2.03
21. Я убит в России при погроме	– 2.12
22. Не время ли?	– 1.33
23. Надо уезжать	– 1.53
24. И мне ли Исход?	– 2.51
25. Чёрт догадал	– 1.21
26. Звуковая цепь	– 1.32
27. Строка, песня и плоть моя	– 2.43
28. Не в силах	– 1.38

Общее время звучания - 53.37

СОДЕРЖАНИЕ

1. Одна шестая суши

Не уберечь своей убогой кровли,
Ни месяца короткого, ни дня, -
Поскольку все мы беженцы по крови,
А значит все мы - кровная родня.
Ведь вдет замок амбарный в обе дужки
В сибирской затаёженной глуши.
Кто плачет в этой запертой теплушке,
Татары, кабардинцы, латыши?
Цингой южан вгоняет в землю север,
Окно барака заметает снег.
Бог показал ту землю Моисею,
А после отобрал её навек.
Живем всегда мы с Родиною розно,

Обманчивой покорствуя судьбе.
Опять чеченцы покидают Грозный,
А русские бегут из Душанбе.
В чужое тесто брошенные дрожжи,
Мы беженцы. Мы разны цветом кожи,
И все-таки мы кровная родня.
Нам от одной ночью зябнуть дрожжи,
И пальцы греть у общего огня,
Покуда стариков кошмаром душат,
И детям не дают спокойно спать
Хваленая одна шестая суши,
А может быть, -- и остальные пять.
10.08.1996

2. Могилевское гетто

На юга уходит лето, -
Быть зиме.
Я стою над бывшим гетто
На холме.
Неказистые домишки,
Холода.
Обитателей их бывших
Нет следа.
Я дома их меж чужими
Узнаю,
Да недолго они жили
В том раю.
Кружит ворон в небе где-то
В полутьме.
Я стою над бывшим гетто
На холме.
Дома дедовского стены,
Отчий кров.
Я не помню довоенный
Могилев.
В год тот горький стародавний
Был я мал.
Лишь по случаю сюда я
Не попал.
Я стою над бывшим гетто
На холме.
Книга Ветхого Завета
На уме.
Книга Ветхого Завета,
Страшный Суд,
Где ни крики, ни советы,
Не спасут.
Здесь немало моих близких, -
Вся родня.
Здесь законная прописка
У меня.
2007

3. Смертельный улов

После дождика небо светлеет.
Над ветвями кричит воронье.
Здесь лежит моя бабушка Лея
И убитые сестры ее.
Представительниц славного рода,
Что не встанет уже никогда,
В октябре сорок первого года
Их прикладами гнали сюда.
Если здесь бы мы с папой и мамой
Оказались, себе на беду,
Мы бы тоже легли в эту яму
В том запекшемся кровью году.
Нас спасла не Всевышняя сила,
Ограничив смертельный улов, -
Просто денег у нас не хватило
Для поездки в родной Могилев.
Понапрасну кукушка на ветке
Мои годы считает вдали.
В эту яму ушли мои предки
И с собою язык унесли.
Обживают их души устало
Поднебесный заоблачный слой,
Где парят персонажи Шагала
Над родной белорусской землей.
Разделить свое горе мне не с кем, -
Обезлюдел отеческий край.
Этот город не станет еврейским:
Юденфрай, юденфрай, юденфрай.
Будет долгой зима по приметам.
Шлях пустынный пылит в стороне.
Я последний, кто помнит об этом,
В этой Богом забытой стране,
Где природа добрее, чем люди,
И шумит, заглушая слова,
В ветровом нескончаемом гуде
На окрестных берегах листва.
2007

4. Шклов

Поляны, луга, перелески.
От осени первая весть.
Заброшенных кладбищ еврейских
В земле белорусской не счесть.
Не высятся здесь обелиски.
От сгинувших нет и следа.
Из бывших знакомых и близких
Никто не приходит сюда.
Уносит нас быстрая речка
От лет позабывшихся тех,
Когда в опустевших местечках

Их песни звенели и смех.
В земле растворенные лица
Уже не вернутся назад.
И длится бессрочно, и длится.
Усопших последний шабат.
Над общим узилищем тесным,
Что дало им братский приют,
На идише тихие песни
Окрестные ветры поют.
2007

5. Идиш

Жизнь, как лето, коротка, -
Видишь?
Я не знаю языка
Идиш,
Достоянья моего
Предка,
Да и слышал я его
Редко.
Не учил его азы, -
Грустно.
Мой единственный язык –
Русский.
Но, состарившись, я как
Скрою
Расхождение языка
С кровью?
Мой отец перед войной
С мамой,
Говорил на нем порой,
Мало,
Чтобы я их разговор
Не понял.
Это все я до сих пор
Помню.
Я не знаю языка, -
Значит,
Не на нем моя строка
Плачет.
Не на нем моя звенит
Песня.
И какой же я аид,
Если
Позабыл я своего
Деда,
Словно нет мне до него
Дела?
Вдаль уносится река.
Жарко.
Я не знаю языка, -
Жалко.

2007

6. Диаспора

Чужбина – необъятная страна,
Чужбина – непонятная планета,
Ты мне навеки в мачехи дана, -
Другой отчизны не было и нету.

Люблю твоих снегов голубизну,
И песен неизбежную минорность, -
Так человек, родившийся в войну,
Войну считает жизненной нормой.

Другой отчизны не было и нет,
Другие песни не умею петь я.
В родной земле не больше сотни лет
Народ мой жил за три тысячелетья.

Когда тарелку об пол шафер бьёт
На шумной свадьбе, в хохоте и дыме,
Кто верит, что на следующий год
Мы соберёмся в Иерусалиме?

Но, глядя из замёрзшего окна
На белые заснеженные ветки,
Мы повторяем снова "Бет шана",
Как это нам наказывали предки.

Наверное, и вправду дело в том,
Что пленники диаспоры убогой,
Мы ближе всех народов к Богу,
А Богу, говорят, не нужен дом.
25.07.1996

7. Воробей

Было трудно мне первое время
Пережить свой позор и испуг,
Став евреем среди неевреев,
Не таким, как другие вокруг,
Отлучённым капризом природы
От ровесников шумной среды.
Помню, в Омске в военные годы
Воробьёв называли "жиды".
Позабыты великие битвы,
Голодающих беженцев быт, –
Ничего до сих пор не забыто
Из мальчишеских первых обид.
И когда вспоминаю со страхом
Невесёлое это житьё,
С бесприютною рыжею птахой
Я родство ощущаю своё,
Под чужую забившийся кровлю,

В ожидании новых угроз.
Не орёл, что питается кровью,
Не владыка морей альбатрос,
Не павлин, что устал от ужимок
И не филин, полуночный тать,
Не гусак, заплывающий жиром,
Потерявший способность летать.
Только он мне единственный дорог,
Представитель пернатых жидов,
Что, чирикая, пляшет "семь сорок"
На асфальте чужих городов.
21.07.1996

8. Еврейское ожидание

Этот ветер перемен,
Зыбкий, мусорный и вязкий!
Мы томимся между стен
В ожидании развязки.
Горизонт туманный мглист,
Всё слышней раскаты грома...
Ждёт реформ экономист -
А евреи ждут погрома.

Говорят, казна пуста,
Вместо храмов - пепелища,
Всё острее нищета,
Всё скудней запасы пищи,
Недостача, недород,
В поле ржавая солома, -
Улучшений ждёт народ.
А евреи ждут погрома.

В нашей солнечной стране
Опустели магазины,
И абхазец в тишине
Точит ножик на грузина.
Всюду громкие слова,
Сор выносятся из дома.
Отделенья ждёт Литва.
А евреи ждут погрома.

Население столиц
Убивает время в споре.
Ждут леса прилёта птиц,
Стужей изгнанных за море,
Новой завязи, грустны,
Ждут безлиственные кроны,
Вся природа ждёт весны -
А евреи ждут погрома.
11.03.1990

9. Пожара кольцо

Все, чего мы с тобою достойны,
Получили сегодня вполне.
Не стихают ментовские войны
В покоренной ментами стране.
Об утраченной хлипкой свободе
Вспоминаю раз сорок на дню.
А в окрестностях сушь и безводье,
И горит урожай на корню.
Что в России сегодня ни тронешь,
Всюду плохо, сужу по всему.
Окружают пожары Воронеж,
Задышается Нижний в дыму.
Там летят языки огневые,
Не страшась ни песка, ни воды,
Как гневные, согнувшие выи,
Боевые лошадки Орды.
Фронт пожаров пока что не близко,
Но тревогу свою не таю:
Как опасна случайная искра
В истощенном жарою краю,
В той земле, что казалась покорной,
Никогда не мечтала о зле,
Где горят не взошедшие зерна
В покрывающей почву золе.
И над пышущей зноем Москвою,
Гарь и пепел швыряя в лицо,
За дорогой дымит Кольцевую
Торфяного пожара кольцо.
2010

10. Кремлёвская стена

В этих смертью пахнущих аллеях
Не дожить до ста.
Караул ушёл от Мавзолея, –
Караул устал.

Лишь дождя натянутые лески
Ходят над стеной, –
То ли бунт кончается стрелецкий,
То ли соляной.

Там, где клёнов сумрачное пламя
Тлеет над землёй,
Дышит ночь заплечными делами,
Дыбой и петлёй.

Дышит ночь предсмертным криком Стеньки.
Кто теперь в цене? –
Те ли, кто поставлен был у стенки,
Те ли, кто в стене?

Здесь знамёна двигались, аля,

Гроыхала сталь.
Караул ушёл от Мавзолея, –
Караул устал.

Но кружит, готовый к обороне,
Застя горизонт,
Чёрных стай монашеских вороньих
Шумный гарнизон.

Сложенная дьяволу в угоду,
Красная стена,
Здесь всегда безрадостна погода,
Смутны времена.

Где река блестит с зубцами вровень
Синью ножевой,
Вечен цвет кирпичной этой крови,
Тёмной, неживой.
07.1994

11. Вербное воскресенье

Зеленый вылезет росток,
И солнце выглянет, наверно,
И там, где пальме жить не впрок,
Ее вполне заменит верба.
Среди знакомых с детства мест
Мне радостно в минуту эту
В стране, где вновь нательный крест
Пришел на смену партбилету.
Под синевой холодных звезд
Легко дышать на самом деле
И вспоминать, что строгий пост
Кончается через неделю.
У москворецкого моста,
Над мутной обмелевшей речкой,
Сияет снова храм Христа,
Стоят правители со свечкой.
Хвала тебе, еврейский Бог,
Воскресший на пороге лета!
Пойдут ли нам сегодня впрок
Уроки Нового Завета?
Или народ, не в первый раз
Осанну петь Христу готовый,
Его опять потом предаст
И этот храм взорвет по новой?
2008

12. Коммунизм и сионизм

Два народа сроднились в великой беде,
Возмечтав о приходе мессии, –
Коммунизм зародился в еврейской среде,
Сионизм появился в России.

Две религии близких – одна из другой
Проросла, но веками не свыклись.
Кто из них перед Богом единым изгой,
Кто сегодня действительно выкрест?

Не порвать никогда этих родственных уз,
Не идти нам иными путями.
Существует незыблемо братский союз,
Раздираемый вечно страстями.

Не с того ли в наречии волжской земли
Иорданские корни звенели,
И сошли на московскую землю кремля
С белоснежной вершины Кармеля?

Но, не взявший родства двуединого в толк,
Исповедуя ненависть слепо,
Все следит окаянный злодей Святополк
За челнами Бориса и Глеба.
07.08.1997

13. В этом вся беда

Они не боги – им цена иная.
Не зря они оставлены в живых.
При виде орденов их вспоминаю
Про ордена, что сорваны с других.
Нас учит взгляд их, юношески чистый,
Как жизнь прожить, не замутив воды,
В сороковом не говорить: "фашисты",
В пятидесятом говорить: "жиды".
Неправда, что на них страна держалась
В дни поражений горьких и побед.
Они во мне не вызывают жалость, -
На ком держалась, тех в помине нет.
А этих узнаю я постоянно
В дни юбилеев, в ходе тех минут,
Когда они встают, качнувшись пьяно,
И за Генералиссимуса пьют.
Лакейский их порыв монументален.
Ничуть не изменили их года.
И как бы страшен ни казался Сталин -
Они страшнее, - в этом вся беда.
21.10.1987

14. Выбирать не дано нам

Выбирать не дано нам эпоху и дом
За стеною границ и таможен.
Со злодеями спим, со злодеями пьем, —
Распознать в них злодеев не можем.
Те соседки, что выдали бабку мою,
И стрелявшие те полицаи,

Я в толпе их сегодняшней не узнаю,
Опознать не сумею лица их.
Потому что способна вернуться назад
Та пора — её не было хуже,
Когда брата послушно расстреливал брат,
И жена доносила на мужа.
Когда сын доносил на родного отца,
И отец отрекался от сына.
Этим горьким событиям нету конца,
Вспоминать мне их невыносимо.
И когда возвратится тот проклятый год,
Вновь настанет пора испытаний,
Что могу я о друге сказать наперед,
Если выбор решительный встанет?
Не с того ль на веку беспокойном своём,
Что, возможно, уже подытожен,
Со злодеями спим, со злодеями пьём, —
Опознать в них злодеев не можем?
2008

15. Чужие сани

Горько соплеменнику скажу я,
Гнева и печали не тая:
Не влезай в историю чужую, —
Не твоя ведь это, не твоя!

Отшумят в местечке спозаранку
Конский топот и собачий лай.
Чёрную не надевай кожанку,
Маузер к бедру не прицепляй!

Не считай, что всем голодным равен
В мировом решительном бою,
Жизнь чужую отнимать ты вправе,
Если не жалеешь и свою.

Ну, куда ты лезешь? Ну, куда ты, —
Жидок, узкоплеч, сутуловат?
Все они не будут виноваты. —
Ты один лишь будешь виноват.

Не садись в чужие эти сани,
Жизнь свою не отдавай зазря, —
Пусть они приканчивают сами
Своего кровавого царя!
16.03.1990

16. Перечитывая Солженицына

В кишиневском погроме виновными были евреи,
И в одесском погроме виновными были евреи.
Да и в киевском тоже, как явствуют факты и даты,
Если в них разобраться, евреи опять виноваты.

От рожденья корыстные, в замыслах тайных нечисты,
В комиссары они в революцию шли и в чекисты,
Даже в зонах гулаговских ловко устроился род их,
Никогда не бывая при этом на общих работах.
Так подводит итог в своей книге седой Солженицын,
Узкоглазый божок из китайской старинной божницы,
Обличающий грех, с прямою неподкупного Спаса
Обвиняющий тех, кто случайно от гибели спасся.
Полистаешь ее, и на сердце глубокая затесь.
Тянет черным гнильем от унылых его доказательств,
Поясняющих в корне бесстрастно, неспешно и сухо
Их враждебность исконную мирному русскому духу.
Двести лет на земле этой жили мы врозь, а не вместе.
И еще, вероятно, лет сто проживем или двести.
Но не смогут потомки, увы, победить, как и предки,
Этот вирус жестокий, подобие раковой клетки.
Слыша будущих лет нарастающий медленный рокот,
Я смотрю на портрет патриарха, вождя и пророка.
Давший людям закон, помоги ему, Господи Боже,
Потому что и он поражен этим вирусом тоже.

2004

17. Иностранец

Не ощущай себя урождем,
Напрасно душу не трави,
Оставлена за иностранцем
Свобода в выборе любви.

Судьба возможная иная
Ему рождением дана,
И для него земля родная
Не мать, скорее, а жена.

Лишь обрусевший чужеземец,
Прошедший множество дорог,
Мог полюбить её, как немец
С фамилией короткой "Блок".

Преодолев свою натуру,
Хранили верность ей по гроб
Полушотландец, полутурок,
И даже - полуэфиоп.

Когда ревнитель чистых генов
Зубами рвёт тебя, как зверь,
Когда толпа аборигенов
Твою выламывает дверь,

Тебя утешит убежденье,
Что этот дом, и этот дым
Ты выбрал сам, не от рожденья,
А сердцем собственным своим.

21.02.1987

18. Йом-киппур (судный день)

Возвращайся домой поскорее,
Запирай свою дверь на засов.
Йом-киппур, судный день для евреев,
Начинается в восемь часов.
Свет мерцающий в сумерках реет
Над холодной осенней водой.
Йом-киппур, судный день для евреев,
Начинается с первой звездой.
Равнодушен к успеху и славе,
Бог свой суд неподкупный вершит,
И никто его сверху не правит,
И никто из Кремля не звонит.
От защиты свободно продажной
Правосудий его торжество.
Прокурор, адвокат и присяжный
Не изменят решений его.
А вокруг, велика и убога,
Необъятная дышит страна,
Где плюют на еврейского Бога:
Неустройства, убийства, война.
А вокруг — нееврейские лица
В суматохе неправедных дел,
Где опять возникает и длится
Несчастливой земли беспредел.
Где ты сам у одной из обочин
Доживаешь, бесправен и тих,
Сожалением ты озабочен,
Что он судит тебя, а не их.

19. Мы не станем палачами

Наш путь пролег во мглу из мглы,
Другой не ведали мы доли.
Худые скорбные волны
Нас увозили от неволи.
Бредя неведомо куда,
Людской истории вначале,
Мы были жертвами всегда, -
Нас называли палачами.
Века гонений и хулы,
Незаживающие раны.
Литые римские орлы
Расклеывали наши храмы.
Уничтожала города
Сестра любимая печали.
Мы были жертвами всегда, -
Нас называли палачами.
Нам было не поднять лица
В соломе украинских кровель.
Нас обвиняли, что маца

Замешана на детской крови.
И кровь струилась, как вода,
Погромов черными ночами.
Мы были жертвами всегда, -
Нас называли палачами.
Кричали вслед нам: "Умирай!"
Никто особенно не плакал,
Когда под псов истошный лай
И улюлюканье поляков
Штыками гнали нас туда,
Где дым клубился над печами.
Мы были жертвами всегда, -
Нас называли палачами.
Но через горы и поля,
Посвечивая из тумана,
Обетованная Земля
Нас призывала неустанно.
Убогих беженцев суда
Топили в море англичане.
Мы были жертвами всегда, -
Нас называли палачами.
Расчеты с вечностью просты,
И мы живем в сознание строгое,
Что неизменно мы чисты
Перед людьми и перед Богом.
И если новая беда
У нас зависнет над плечами,
Мы будем жертвами всегда,
Но мы не станем палачами.
01.09.1998

20. Избиение младенцев (Питер Брейгель)

Избиение младенцев в Вифлееме.
В синих сумерках мерцает свет из окон.
Где оливковые рощи? Снег и темень
В этой местности, от Библии далёкой.
Избиение младенцев в Вифлееме.
Но заметить я, по-видимому, должен:
От влияния позднейших наслоений
Неспособен был избавиться художник.
Перепутав географию и даты,
Аркебузы ухватив, как автоматы,
Скачут грузные испанские солдаты,
Шуба жаркая напялена на латы.
И стою у полотна, не зная – где я?
Вифлеем ли это, право, в самом деле?
Снег кружится в этой странной Иудее,
И окрестные свирепствуют метели.
Прячут головы несмелые мужчины,
Плачет женщина пронзительно и тонко, –
Двое стражников, одетых в меховщину,
Вырывают у нее из рук ребенка.

Вьюга тёмная младенцев пеленает.
Снег дымится, от горячей крови тая...
То не ты ли, Белоруссия родная?
То не ты ли, Украина золотая?
14.10.1988

21. Я убит в России при погроме
Пахнет дымом горизонт багровый,
Милостыню требует калека.
Я убит в России при погроме
На исходе ядерного века.
Бодрые призывы отзвучали,
Прокатилось счастье стороною.
Перестройка, мирная вначале,
Кончилась гражданской войною.
Глаз не видит беспорядка в доме
Сквозь отверткой пробитое веко.
Я убит в России при погроме
На исходе ядерного века.
Бить жидов - старинная потеха, -
Лучшая из дедовских традиций.
Сам виной, поскольку не уехал,
Сам виной, что вздумал здесь родиться.
Надо мною небосвод огромен,
Битый лёд качается на реках.
Я убит в России при погроме
На исходе ядерного века.
Там снаружи жизнь шумит иная,
Ударяя лапками по нервам.
Я убит в двадцатом и не знаю,
Что там происходит в двадцать первом.
Кто меня теперь припомнит, кроме
Песенку мурлычащего зека?
Я убит в России при погроме
На исходе ядерного века.
Больше не испытывает муки
Сердце, принуждённое не биться.
Мир вам, обагрившим кровью руки,
Мир тебе, земля-детоубийца.
Эту землю, липкую от крови,
Не отнять убийцам светлоглазым:
Я убит в России при погроме
И навеки кровью с нею связан.
1990

22. Не время ли?

Не время ли задуматься о Боге?
Не время ли бежать отсюда прочь?
Уже в Москве пылают синагоги,
Хрустальную предсказывая ночь.
И значит, понапрасну были раны,
Война и голод, черные дома.

Покуда вымирают ветераны,
Коричневая множится чума.
Пляши и пой, несчастная отчизна,
И в байки утешительные верь.
Невесел день победы над фашизмом
В стране, где побеждает он теперь.
Осталось лишь надеяться на чудо,
Чтоб не настал его триумфа час
И не пугали русскими повсюду,
Как немцами пугали в детстве нас.
1998

23. Надо уезжать

"Мне говорят, что надо уезжать".
За окнами, хлебнув хмельной отравы,
Шумит чернорубашечная рать
И неотложной требует расправы.

Меня усердно за собой маня,
Предчувствуя неотвратимость бедствий,
В дорогу собирается родня, -
Уже не эмиграция, а бегство.

А я вослед им говорю: "Пока, -
Я опасюсь временных пристанищ
В безмолвии чужого языка,
Который мне родным уже не станет".

Меня пугают: "Худшей из смертей
Умрёшь ты здесь, растерзанный и голый".
Мне говорят: "Пора спасти детей, -
Теперь не время думать про глаголы.

Недолгий срок тебе судьбою дан
Для нового открытия америк.
Когда вскипает штормом океан,
Не время выбирать удобный берег".

Уже последний отзвенел звонок,
Но медлю я, прикинув, как Овидий,
К родной земле, где я не одинок, -
Где есть кого любить и ненавидеть.
11.03.1990 Малеевка

24. И мне ли Исход?

Куда мне от родительской могилы,
От завтрашних московских новостей?
Себе вернуть уже не сможет силы
Чужой земли коснувшийся Антей.
Земля Обетованная, тебе ли
Манить меня в твой допотопный век?
Так к собственной забытой колыбели

Не возвратится взрослый человек.
Не так ли давний предок мой, уныло
Бредя через синайские пески,
Вздыхая, вспоминал долину Нила,
Где жирный ил баюкает ростки?
Неслись вдогонку бешеные кони,
Бежали строем чёрные рабы,
И жаркое дыхание погони
Над беглецами встало на дыбы.
Повозки, запряжённые ослиами,
Ползли вперед. Судьба их сберегла,
Когда волна внезапная цунами
Все войско фараоново смела.
Вели вперёд их божие знаменья,
Им компас заменявшие тогда,
Пекли мацу горячие каменья,
Струилась из-под посоха вода.
Ночь коротали в скинии убогом
И на рассвете двигались опять,
Чтоб Родину, назначенную Богом,
Вновь обрести и снова потерять.
Я их судьбу извечную приемлю,
Я постоянно думаю о ней,
Но дерево, посаженное в землю,
Уже не может вытащить корней.
И мне ли отправляться вслед за всеми,
Когда заветам ветхим вопреки,
Летит вперёд стремительное время,
И медленно плывут материки?
1988

25. Чёрт догадал

Я век свой истратил зазря,
Мне это признать нелегко,
Хотя уплывал за моря,
Хотя улетал далеко.
Не мог я ни разу, слабак,
Решений принять волевых.
Мне шансы давала судьба,
А я все отпихивал их.
Старался я не замечать
Дороги в иные миры,
Боясь, словно пес, потерять
Привычный уют конуры.
Цветет седина в бороде.
Мудрей я не стал за года.
Там жизнь завершаю я, где
Родиться мне черт догадал.
Я путь свой окончу земной,
Лицом повернувшись к стене,
С меня разлюбившей женой,
В меня не любившей стране.

2006

26. Звуковая цепь

Невозможно сделаться другими,
Даже не попавшись в невода.
Родина - не то, что было в Риме, -
Не земля, не воздух, не вода.

Суффиксы, причастия, спряженья, -
Что со школы ненавидел ты, -
Держат, как земное притяженье,
У заветной стартовой черты.

По другую сторону таможен,
На недостижимом рубеже,
Говорить научишься, быть может, -
Думать не научишься уже

На английском и иврите, - поздно, -
Никуда не денешься, мой друг:
Родина - не тощая берёза, -
Родина - щемящий этот звук.

Знать, народ не может быть не гений,
При таком могучем языке,
Как заметил некогда Тургенев
От полей российских вдалеке,

Где, в ночную вслушиваясь вьюгу,
Вместе арестанты и конвой,
Мы сидим, прикованы друг к другу
Неразрывной цепью звуковой.
06.08.1996

27. Строка, песня и плоть моя

У защищённых марлей окон,
На подмосковной старой даче
(Две комнатухи и терраса,
Что взяты на лето внаём),
Себе признаюсь ненароком,
Что мог бы жизнь прожить иначе, -
Жаль лет, потраченных напрасно,
С тобой не прожитых вдвоём.

Недугом медленным затронут,
Но им пока ещё не сломлен,
Припомнив о сыновнем долге
В преддверьи каменной плиты,
Я проследить пытаюсь хроны
Своей безвестной родословной,
Мой путь наметившей недолгий
От темноты до темноты.

Здесь третьим не был я к поллитре,
А был всегда я третьим-лишним,
На землях, глинистых и вязких,
Которых не было родней.
Я краска из другой палитры, -
Так уготовано Всевышним,
И нет в крови моей славянских
Болотных северных корней.

Сохой не вспарывал я землю,
Не рыскал с кистенём по чаще,
И коршун, над Каялой рея,
Не трогал моего лица.
Я мутного хмельного зелья
Из костяной округлой чаши
Не пил, поскольку у евреев
Не пьют из черепа отца.

Что проку мне в степной половине,
В речонках узеньких тарусских,
В напеве песни однозвучной,
Что с детства в памяти жива?
Мой дед в губернском Могилёве
Писал с ошибками по-русски,
Мои израильские внучки
Забудут русские слова.

Я вывих древа родового,
Продукт диаспоры печальной,
Петля запутанной дороги,
Где вьюга замечает след,
Но Бог, что был вначале Словом,
Дал здесь мне воздух изначальный,
И сочетанье звуков в слове,
Которому замены нет.

Не быть мне Родиной любимым,
Страны не знать Обетованной,
Но станут в час, когда я сгину,
Замучен мачехою злой,
Строка моя, смешавшись с дымом,
Российской песней безымянной,
А плоть моя, смешавшись с глиной,
Российской горькою землёй.

11.06.1995

28. Не в силах

Не бросать мне в свободном паренье
У чужих берегов якорей.
Чем слабее со временем зренье,
Тем становится память острее.

И опять никуда мне не деться
От весны, затопившей дворы,
От войной обожжённого детства
И от песенок школьной поры.
От квартиры, большой и нечистой,
Где, приняв коммунальный устав,
И себя я к народу причислил,
О единой судьбе возмечтав.
Благодарен я тем, кто вначале
Во дворе мне вдогонку свистел,
Тем, кто сразу во мне замечали
То, что я замечать не хотел.
Я им всем благодарен, и все же
Объяснить я себе не могу,
Почему я всю жизнь свою прожил
На болотистом их берегу,
Населяя меж нищих и сирых
Коммунальное это жильё,
Где соседей мы выбрать не в силах
Ни при жизни, ни после нее.
04.09.1998